

С. Г. Осьмачко

Идейные искания К. Н. Леонтьева

В статье дана общая оценка идейно-теоретическому наследию замечательного мыслителя второй половины XIX в. К. Н. Леонтьева. Представлены оценки, данные ему лично и его учению (византизм, предполагавший, прежде всего, государственно-ориентированные ориентации) С. Н. Булгаковым, Н. А. Бердяевым, Л. Н. Толстым, С. Н. Дурьлиным, И. И. Фуделем и др.

Показаны причины актуализации консервативных, а порой реакционных, воззрений К. Н. Леонтьева, представлена авторская позиция относительно научной продуктивности и социальной эффективности возможной практической реализации леонтьевских программ.

Дана оценка историзму К. Н. Леонтьева, в основе которого лежало обостренное чувство истории; его эстетизированные методы проникновения в прошлое позволили вплотную подойти к пониманию современных сложностей цивилизационного усреднения культуры, негативных сторон буржуазного образа жизни и пр.

Рассмотрены проблемы государственнической идеологии и психологии К. Н. Леонтьева.

Ключевые слова: К. Н. Леонтьев, византизм, историзм, историософия, духовная культура, православие, самодержавие, славянофильство, «социалистическая монархия».

S. G. Osmachko

K. N. Leontiev's Ideological Searches

In the article the general assessment to the ideological theoretical heritage of the remarkable thinker of the second half of the XIX century K. N. Leontiev is given. The estimates are presented, given to him personally and to his doctrine (the vizantism assuming, first of all, statist orientations) by S. N. Bulgakov, N. A. Berdyayev, L. N. Tolstoy, S. N. Durylin, I. I. Fudel, etc.

The reasons of updating of K. N. Leontiev's views, which are conservative, and at times reactionary, are shown, the author's position towards scientific efficiency and social efficiency of possible practical realization of Leontiev's programmes is presented.

The assessment is given to historicism of K. N. Leontiev, the heightened sense of history was its cornerstone; his aestheticized methods of penetration into the past allowed approaching closely understanding of modern difficulties of civilization levelling of culture, negative sides of a bourgeois way of life and so forth.

Problems of statist ideology and K. N. Leontiev's psychology are considered.

Keywords: K. N. Leontiev, vizantism, historicism, historiosophy, spiritual culture, Orthodoxy, autocracy, Slavophilism, «the socialist monarchy».

Против логического обыкновения начнем с тех оценок, которые дали К. Н. Леонтьеву некоторые выдающиеся мыслители прошлого. С. Н. Булгаков писал: «Тонким ароматом духовной красоты овеяна жизнь этого бесприютного неудачника, вечного странника, мимо проторенных путей проходившего жизненный путь свой» [2, с. 391]. По мнению Н. А. Бердяева, «К. Леонтьев не может и не должен быть учителем, но он – одно из самых благородных и волнующих явлений в русской духовной жизни» [1, с. 220].

Идеи К. Н. Леонтьева сложны и противоречивы: представители разных течений общественной мысли России, понимая, что он, как правило, не укладывается в их традиционные схемы, чаще всего обходили молчанием базовые леонтьевские тезисы. Так возник внешне оформленный феномен забытости, неузнанности этого замечательного мыслителя. Однако внутренняя потребность в

изучении его творчества существовала всегда. Константина Николаевича ценили и помнили.

В 1916 г. 25-летие со дня его кончины вызвало к жизни цепь следующих мероприятий: 11 ноября в Чудовом монастыре состоялось общее собрание братства святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа. Председатель братства П. Б. Мансуров выступил с сообщением о значении консульской деятельности Леонтьева на Востоке; член братства С. Н. Дурьлин развил тему «Церковь, монастырь и старчество в личности и в жизни К. Леонтьева»; протоиерей И. И. Фудель поделился личными воспоминаниями, а епископ Можайский Дмитрий оценил значение леонтьевских писем с Афона.

12 ноября в Троице-Сергиевском Художественном Обществе А. А. Александров прочел доклад, посвященный памяти Леонтьева. 13 ноября соответствующее заседание было проведено в

Религиозно-философском обществе памяти Вл. Соловьева. Открыл заседание председатель общества Г. А. Рачинский, вступительное слово которого было посвящено духовному значению наследия Леонтьева. Присутствующие (а «зал был переполнен слушателями» [8]) с интересом выслушали доклады Фуделя «К. Леонтьев и Вл. Соловьев в их взаимных отношениях», Дурылина «Писатель-послушник» и С. Н. Булгакова «Победитель-побежденный (судьба К. Леонтьева)».

Можно заметить, что вышеперечисленные события носили явно неофициальный характер, не затрагивая инстанций политического или академического уровня. Дело в том, что московский градоначальник запретил публичное и открытое проведение памятных мероприятий; Московский университет от их проведения также постарался уклониться. «Леонтьев и в 1916 году казался подозрительным» [11, с. 16].

Заупокойные богослужения были проведены 12 ноября в церкви Святого Николая Чудотворца (на Арбате) и в Гефсиманском скиту у храма Черниговской Божьей матери (Сергиев-Посад); 13 ноября – в домовом храме Красного Креста (служил П. А. Флоренский) и в Московской духовной академии. Обо всем этом сообщалось в печати.

В советское время вспоминать Леонтьева не было никакой возможности. Марксистско-ленинский методологический диктат напрочь губил творческую мысль исследователей; для идеологов того периода Леонтьев, в свое время так тонко проникший в сущность будущей «социалистической монархии», был явным врагом. Остается удивляться лишь тому, что в ряде работ, преимущественно историософского, культурологического и литературно-критического характера, сегодня мы все же можем найти, вычленив значимые аналитические фрагменты.

1991 год – время подлинного «леонтьевского ренессанса»: в этот год отмечались 160-летие со дня его рождения и 100-летие со дня смерти; «эти даты близки всем, кому внятна русская культура, русская духовность» [6, с. 7–8]. О нем появляется множество соответствующих публикаций (монографий, статей, энциклопедий и пр.) и диссертационных исследований.

Отмечая эту, безусловно, положительную тенденцию, не будем забывать, что и при жизни Константина Николаевича, и после его смерти, и в период марксистско-ленинского идейного доминирования взгляды Леонтьева привлекали внимание наиболее выдающихся представителей отечественной культуры. Действительно, Леонтьев –

«странная, загадочная и во многом маргинальная фигура», его позиции не принимались, отвергались, редко разделялись, но «среди писавших о нем – весь цвет русской мысли» [7, с. 186]. Думается, анализ идейно-теоретических взглядов Леонтьева, его жизни и судьбы, осуществленный Н. А. Бердяевым, В. В. Розановым и др., интересен и сегодня. Интересен, прежде всего, в силу загадочности, какой-то удивительной интеллектуальной привлекательности этого часто не совпадающего с самим собой автора; «перед ним, преждевременным Константином Леонтьевым, и после его смерти стояли многие, как перед великой загадкой» [3, с. 141].

Социально-политический переход, который вновь пытается осуществить современная Россия, обнажил множество проблем, особенно в духовно-идеологической сфере. Упрощенная по сути и бюрократическая по функции идеология недавнего советского общества представляла собой некий набор идей, порой примитивно и вульгарно объясняющих те или иные явления природы и общества. Постсоветское идейное состояние – это в некотором смысле набор лакун, своего рода пустот: у мыслящей части общества заметен явный дефицит смыслополагания, стратегических ментальных конструкций, этических ориентиров.

Поиски ответов идут по всем направлениям; обращение к прошлому неизбежно приводит многих к Леонтьеву. Мы полагаем, что такого рода поисковая деятельность (обретение смысла постфактум) неэффективна и не говорит ни о чем, кроме как о неумении «жить своим умом» в реальной ситуации. Кроме того, взгляды Леонтьева свободны, парадоксальны, радикальны, не отягощены жесткой методологической привязкой, поэтому, как может показаться, у него легко найти размышления, пригодные для оценок сегодняшних российских проблем.

Здесь-то и кроется главная опасность «смыслового ангажирования» леонтьевских писаний: главное в них не связано с пророчествами; гораздо важнее – интуитивность, неформальность логического конструирования, своеобразность критериев ума и мн. др. Сегодня, «когда именем Леонтьева клянутся представители столь разных сторон и ориентаций» [7, с. 186], важнее понять, что его наследие вряд ли годится для актуализации; другое дело – воплощение его метода. Поэтому мы полагаем, что *его признание в конце XX века – преимущественно искусственный факт интеллектуального поиска.*

Думается, что противоречивость, парадоксальность, многозначность, поливариантность мыслительных операций Леонтьева, его умение видеть все в развитии (и не обязательно диалектически), эстетизация причинно-следственного критериума и т. д. все же могут нам помочь и сегодня. Следует лишь действовать по-леонтьевски: глубоко погружаться в прошлое, чтобы уяснить настоящее и (отчасти) будущее.

Очень точно заметил про историзм Леонтьева Бердяев: не являясь профессиональным историком, человеком науки, он обладал обостренным чувством истории. Действительно, его эстетизированные методы проникновения в прошлое многое позволили понять в настоящем: сложности цивилизационного усреднения, негативные стороны буржуазного образа жизни, массовой культуры (для кого-то воззрения Леонтьева так и представляются идейной предпосылкой современного антиглобализма).

Леонтьев актуален еще и тем, что исключительно идеологичен. Его исторические постижения основываются на подходах так называемого византизма – самобытного учения, предполагающего, прежде всего, государственнические ориентации. В качестве общественного идеала он рассматривал религиозно оформленное самодержавие. Для нас государственнические подходы не новы; до сих пор окончательно не выявлена сущность российского перехода от служилого типа государства к современному; общественность традиционно озабочена усилением бюрократии и мн. др. Яркая государственная апологетика Леонтьева, видимо, может помочь современным мыслителям в определении той позитивной составляющей государственного управления, пусть даже силовой, насильственно оформленной, без которой дальнейшее упорядочение развития страны невозможно. Трудно не согласиться с тем, что государство должно быть «сурово иногда до свирепости», и даже с тем, что «народ должен быть политически ограничен». Демократия предполагает правовое распределение конституционных прав, но не их безбрежное представление всем и вся. В этом отношении следует обратить внимание и на леонтьевский тезис о государственно-патриотическом воспитании средствами школьного исторического образования. Совершенно справедливо заметил Т. Н. Грановский (речь «О современном состоянии и значении всеобщей истории», произнесенная 12 января 1852 г. на торжественном собрании Московского университета): «Ни одна наука не подвергается такому влиянию со

стороны господствующих философских систем, как история». И если в основу образовательной деятельности будут положены объективность, научность, историзм, системность, то не возникнет значимых оснований упрекать историческую науку, например, в формировании у обучающихся тоталитарного типа личности. В данном случае как раз велика ответственность самого историка; образ жизни и деятельности Леонтьева (оригинального и свободолюбивого мыслителя, обладающего яркой личной позицией) в данном случае – прекрасный пример для подражания.

Мы можем не соглашаться с какими-то леонтьевскими утверждениями (и даже полностью отвергать их), но стоит пристальнее приглядеться к идейно-теоретической позиции того, кто вслед за Н. Я. Данилевским переосмыслил славянофильские идеи (далеко оторвавшись от них) в русле теории культурно-исторических типов. Здесь заложены положительные перспективы столь признаваемого ныне цивилизационного подхода исторической методологии. Неоспоримо и влияние Леонтьева на формирование евразийства (стоит оценить, например, его позиции в отношении необходимости неславянской культуры – она, подчиняясь Западу, превратит русских в «плохих европейцев» – а «славяно-туранской культуры» и т. п.).

Константин Николаевич искренне и глубоко любил Россию, особенно феодально-крепостническую, барскую, общинную, и одновременно не принимал изменений, привносимых в российскую жизнь «треклятым прогрессом» и «холерой демократии». Думается, что пора бездумного государственно-бюрократического патриотизма прошла; нужно учиться уважать, принимать отечественные реалии, выделяя в них нечто значимое, существенное, непреходящее. Поэтому меткая, часто едкая критика Леонтьева интересна нам и сегодня. Как писал Ю. П. Иваск, «Леонтьев еще жив: возбуждает мысль и может увлекать» [4, с. 179].

Попытки систематизации леонтьевского учения не всегда удачны – он слишком парадоксален и самопротиворечив. Тем более, что в любой системе самое интересное, как правило, то, что как раз и не укладывается в систематизационные критерии. И здесь у исследователей леонтьевского творчества громадное поле деятельности. «Что касается его статей, то он в них все точно стекла выбивает, – писал Л. Н. Толстой, – но такие выбиватели стекла, как он, мне нравятся» [9, с. 179].

Стремление использовать радикализм леонть-

евского метода в целях одобрения черносотенных, тоталитаристских, антисемитских и других программ больше говорит о наших современных, нежели о его вчерашних проблемах.

Многие называют Леонтьева религиозным философом, но он был достаточно далек от канонического православия; в этом отношении гораздо интереснее его религиозная метаморфоза, связанная с проблематикой личного спасения, страха и т. д., тем более, вряд ли многие из нас сегодня способны принципиально различать те или иные оттенки византийского традиционализма и русского православия. Религиозное возрождение в современном светском российском обществе – важнейшая проблема. Уяснение ее динамики может быть более эффективным, если религиозный казус Леонтьева станет предметом научного интереса. По этому поводу уместно вспомнить оценку, данную Святейшим Патриархом Кириллом на расширенном заседании Президиума Российской академии образования 11 ноября 2009 г.: «Мудрость есть способ принимать во внимание опыт других, в том числе опыт предыдущих поколений» [10, с. 16].

У Леонтьева интересны также «биологизаторские» схемы триединого процесса любого (в том числе исторического, социально-политического) развития, его принципиальный пессимизм мировосприятия и миропонимания, эстетико-этический критериумный базис и мн. др.

В заключение приведем великолепную по сути и по форме оценку Леонтьева, данную Иваском: «Леонтьев – выдающийся представитель контрреволюции XIX века, которая защищала: качество от количества; даровитое меньшинство от бездарного большинства; яркую мысль от серой массы; дух от материи; природу от техники; истину от рекламы и пропаганды; творческую свободу от плутократии и бюрократии; искусство от прессы» [5, с. 180].

Библиографический список

1. Бердяев, Н. А. Константин Леонтьев. Очерк из истории религиозной мысли [Текст] / Н. А. Бердяев. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – 316 с.
2. Булгаков, С. Н. Победитель – побежденный. (Судьба К. Н. Леонтьева) [Текст] / С. Н. Булгаков // К. Н. Леонтьев: про эт контра. Кн. 1 – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 346–397.
3. Глушкова, Т. «Боюсь, как бы история нет оправдала меня...» [Текст] / Т. Глушкова // Наш современник. – 1990. – № 7. – С. 134–152.

4. Иваск, Ю. П. «Еще поборемся!» [Текст] / Ю. П. Иваск // Человек. – 1994. – № 2. – С. 177–180.

5. Иваск, Ю. П. Что Леонтьев читал, ценил, любил (Ответ А. И. Солженицыну) [Текст] / Ю. П. Иваск // Вестник Российского христианского движения (РХД). – 1974. – № 123. – С. 160–184.

6. Лесневский, С. Писатель – иннок [Текст] / С. Лесневский // Книжное обозрение. – 1991. – № 4. – С. 7–8.

7. Молодяков, В. Э. Рецензия [Текст] / В. Э. Молодяков // Вопросы философии. – 1998. – № 2. – С. 185–186.

8. Московские ведомости. – 1916. – 15 ноября. – С. 3.

9. Родина. – 1991. – № 4. – С. 40.

10. Слово Святейшего патриарха Кирилла на расширенном заседании Президиума Российской академии образования [Текст] / Кирилл, Святейший Патриарх // Педагогика. – 2010. – № 1. – С. 10–21.

11. Фудель, С. Воспоминания [Текст] / С. Фудель // Новый мир. – 1991. – № 4. – С. 164–192.

Bibliograficheski spisok

1. Berdjaev, N. A. Konstantin Leont'ev. Oчерk iz istorii religioznoj mysli [Tekst] / N. A. Berdjaev. – M.: AST, Hranitel', 2007. – 316 s.

2. Bulgakov, S. N. Pobeditel' – pobezhdennyj. (Sud'ba K. N. Leont'eva) [Tekst] / S. N. Bulgakov // K. N. Leont'ev: pro jet kontra. Kn. 1 – SPb.: RHGI, 1995. – S. 346–397.

3. Glushkova, T. «Bojus', kak by istorija net opravdala menja...» [Tekst] / T. Glushkova // Nash sovremennik. – 1990. – № 7. – S. 134–152.

4. Ivask, Ju. P. «Eshhe poboremsja!» [Tekst] / Ju. P. Ivask // Chelovek. – 1994. – № 2. – S. 177–180.

5. Ivask, Ju. P. Chto Leont'ev chital, cenil, ljubil (Otvvet A. I. Solzhenicynu) [Tekst] / Ju. P. Ivask // Vestnik Rossijskogo hristianskogo dvidenija (RHD). – 1974. – № 123. – S. 160–184.

6. Lesnevskij, S. Pisatel' – inok [Tekst] / S. Lesnevskij // Knizhnoe obozrenie. – 1991. – № 4. – S. 7–8.

7. Molodjakov, V. Je. Recenzija [Tekst] / V. Je. Molodjakov // Voprosy filosofii. – 1998. – № 2. – S. 185–186.

8. Moskovskie vedomosti. – 1916. – 15 nojabrja. – S. 3.

9. Rodina. – 1991. – № 4. – S. 40.

10. Slovo Svjatejshego patriarha Kirilla na rasshirenom zasedanii Prezidiuma Rossijskoj akademii obrazovanija [Tekst] / Kirill, Svjatejsij Patriarh // Pedagogika. – 2010. – № 1. – S. 10–21.

11. Fudel', S. Vospominanija [Tekst] / S. Fudel' // Novyj mir. – 1991. – № 4. – S. 164–192.